

Е. Э. БАЗАРОВ

**О ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ КОНСТРУКЦИЯХ
С ПОЛУЗНАМЕНАТЕЛЬНЫМ ГЛАГОЛОМ
В ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТАХ ЗАБАЙКАЛЬЯ КОНЦА XVII в.**

Вводные замечания

В истории русского делового языка XVIII век представляет собой особый переломный период, ознаменовавший эпоху формирования языковых норм нового типа. Деловой язык вовлекается в сферу культурных преобразований и претерпевает радикальные изменения, связанные со взаимодействием старого приказного языка и книжно-литературной традиции, проникновением в деловой язык западноевропейских заимствований и элементов живой разговорной речи. В связи с этим, на первый взгляд, складывается впечатление о бессистемном употреблении и хаотичном взаимодействии в нем языковых единиц. Однако исследования деловой письменности выявляют общую тенденцию к стандартизации, которую можно назвать одной из главных движущих сил становления норм русского делового языка XVIII в. Она выражается в процессе регламентации как особенностей оформления делового документа (использование книг и тетрадей вместо традиционных столбцов, соблюдение принципа единообразия при построении формуляра, оформлении реквизитов, следование жанровым канонам), так и его языкового содержания (употребление клишированных слов и речевых штампов, формирование делопроизводственной терминологии, синтаксическая организация текста документа). Особо отметим как следствие стандартизации документов употребление «книжно-славянских элементов в качестве стилеобразующих средств делового письма» [Майоров 2006: 53], что соотносится с общим процессом «экстраполяции литературного языка нового типа на те сферы, которые первоначально были вне пределов его функционирования» [Живов 1996: 123].

В деловой письменности этого периода отражается процесс нормализации нового делового языка, выражающийся, с одной стороны, в заимствовании языковых элементов приказной традиции, с другой стороны — в сближении

Базаров Евгений Эрдемович, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Русский язык в научном освещении. № 1 (35). 2018. С. 207–225.

узуса делового письма с книжным языком, точнее во влиянии на язык документов книжного регистра, что в конечном итоге привело к формированию официально-делового стиля, для которого стандартизация является одной из стилевых черт.

Изменявшийся на протяжении XVIII в. характер взаимоотношений между деловым и книжно-письменным языком сильно отличался от строго раздельного и непересекающегося сосуществования книжного (церковнославянского) и традиционного языка приказов (восходящего к разговорной речи), имевшего место в предшествующую эпоху. Однако верно ли представление языковой ситуации допетровского времени как модели жесткой дифференциации двух письменных традиций и не является ли такой взгляд на культурную обстановку той эпохи слишком схематичным? Так, Т. В. Кортава рассматривает приказный (в терминологии автора — первоначально «юридический», «позднее — приказный») язык как особый тип письменного языка (наряду с церковнославянским литературным языком), который был «древнерусским по происхождению, связанным с языком устного обычного права» [Кортава 1999: 49], однако ограниченным в функциональном и стилистическом отношении сферой делопроизводства. Памятники юридической письменности находились за гранью литературного языка, не являлись кодифицированными и обработанными «в соответствии с языковыми представлениями того времени» [Там же]. С другой стороны, исследователь отмечает, что делопроизводители на практике опирались на церковнославянскую письменность, наличие в приказном языке стандартизованных юридических формул и текстовых образцов «сближает» церковнославянский и приказный язык [Там же: 53], который к концу XVII в. расширяет свои функциональные возможности.

Становление норм делового языка нового типа проявлялось прежде всего на лексическом и словообразовательном уровнях, по этой причине наблюдается широкая вариативность в написании одного и того же слова (ср.: *гобшпиталь* — *гошпиталь*; *огурничество* — *огурство*, *вспомоществование* — *вспоможение* и др.), а также функционирование многочисленных слов-дублетов, характеризующихся различной генетической природой и стилистической нагрузкой: *баба* — *женка*, *закрычать* — *зареветь* и др. [Майоров 2006: 165]. Показательным в этом смысле является пример осознанной замены стилистически разнородных глаголов, когда в документах, описывающих одну и ту же ситуацию, сначала используется, очевидно, близкий к разговорной речи глагол *расшибить*: «*ј тогда рече^но Щеголе^е держащеи в рука^х ј с вино^м стаканъ броси^л о по^л и **росици^б**» (1771) (ГАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 83, л. 14), «*онои Щеголевъ тогда^ж невѣдѣмо о^мчего осердѣсь броси^л с вино^м на по^л ј **розици^б**» (ГАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 83, л. 16 об.); затем употребляется нейтральный глагол *разбить*: «*ј онъ Пьянковъ кого имянно по^очивали ј каки^м о^оразомъ хруста^лнои стаканъ с вино^м **расби^л**» (зачеркнуто. — Е. Б.) Щеголе^е **разби^л** ... онъ Пьянко^е за безмѣрнымъ и безчювственнымъ своѣмъ пѣя^нствомъ не упомни^м» (ГАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 83, л. 18–18 об.).***

Вместе с тем в равной степени утверждались и синтаксические нормы — так, в языке документов XVIII века отмечается тенденция к активному использованию описательных конструкций с полузнаменательными глаголами типа *чинить решение*, характеризующихся разной степенью устойчивости в узусе деловой письменности. О конструкциях подобного типа и пойдет речь в настоящей статье.

1. Описание конструкций с полузнаменательными глаголами в лингвистической литературе

Под конструкциями с полузнаменательными глаголами (далее — КПЗГ) мы предлагаем понимать глагольно-именные сочетания, построенные по модели «полузнаменательный глагол + отглагольное существительное». Семантическое содержание в них выражается при помощи именного компонента, а переходный глагольный компонент в большей мере служит для обозначения категориального значения процессуальности, организует грамматическую и логическую связь между именем субъекта действия, если он выражен грамматически или подразумевается, и наименованием самого действия. Конструкции данного типа строятся таким образом, что формальный объект не является таковым в смысловом отношении, а содержит информацию о самом действии и включается в состав предикативной основы с помощью полузнаменательного глагола. Действие, как правило, может быть названо либо собственно глаголом, либо КПЗГ, т. е. в первом случае денотативное содержание выражается самой глагольной лексемой, условно говоря, синтетическим способом, а во втором случае — аналитически. Таким образом, отличительной особенностью рассматриваемых описательных конструкций является то, что они часто (но не всегда) обнаруживают соответствия с однословными компонентами, сохраняя при этом то же (или близкое) семантическое содержание: *проводить исследование* — *исследовать*; *осуществлять закупку* — *закупать*; однако, например, словосочетание *вести переговоры* и слово *переговариваться* с трудом можно назвать членами коррелятивной пары; для конструкции *заключить перемирие* сложно подобрать эквивалентное данному лексическому составу и одновременно нормативное слово.

Глагольные компоненты КПЗГ, как, впрочем, и сами конструкции, в лингвистической теории не имеют единого обозначения. Многочисленные варианты их номинации («описательные фразеологические обороты», «глагольно-именные описательные выражения», «аналитические лексические коллокации» и др.) достаточно подробно перечисляются Е. Н. Лагузовой [Лагузова 2003: 3]. Для наименования глагольных компонентов могут использоваться такие термины, как «функциональные глаголы», «полувспомогательные глаголы», «глаголы-операторы», «глагол поддержки», «глагол широкой семантики», «глагол широкого семантического объема»,

«расширители» [Апресян 2004: 3]. М. В. Всеволодова и В. А. Кузьменкова вслед за Т. В. Шмелевой предлагают называть такой глагольный компонент экспликатором [Всеволодова, Кузьменкова 2003: 7]; Г. А. Золотова — компенсатором, играющим важную роль в транспозиции средств прямой номинации в средство косвенной номинации [Золотова 1982: 158]. В рамках теории «Смысл \Leftrightarrow Текст» рассматриваемые нами глаголы в основном соотносятся с лексическим параметром *Oper1*, представляющим собой «полувспомогательный глагол, соединяющий название 1-го участника ситуации (производителя действия. — Е. Б.) в качестве подлежащего с названием самой ситуации (...) в качестве дополнения» [Апресян 1995: 45].

В семантическом отношении КПЗГ обнаруживают сходство с глагольным словосочетанием, между элементами которого развиваются отношения информативного восполнения, или восполняющие (также комплетивные) отношения. Особенность восполняющих отношений между словами в словосочетании заключается в том, что «зависимое слово не несет ни объектного, ни определительного значения, а содержательно необходимо восполняет собою главенствующее слово» и способствует образованию минимального, содержательно самостоятельного словосочетания, поскольку главное слово является информативно недостаточным [Русская грамматика 2005: 19]. При таком определении комплетивных отношений кажется, что и полузнаменательные компоненты КПЗГ следует включать в класс информативно недостаточных, однако к их числу в основном относят связочные глаголы *быть, стать, сделаться, оказаться* и т. п. [Там же: 19]. В семантическом отношении структура сравниваемых словосочетаний является схожей: и те и другие состоят из неполнознаменательных глаголов и существительных (хотя в случае со связочными глаголами — слов именных частей речи в целом), содержащих необходимую семантическую информацию, при этом конструкции со связочным глаголом с трудом могут быть трансформированы в однословный элемент без утраты смысла (ср.: *картина оказалась подделкой* не то же, что *подделать картину, картину подделали* или *картина подделана*), в то время как КПЗГ с большей вероятностью можно заменить знаменательным эквивалентным словом. Принципиально важной разницей между данными словосочетаниями в современном русском языке является признак переходности/непереходности глагольного компонента: полузнаменательные глаголы КПЗГ, как правило, являются переходными (разумеется, при использовании их в активном залоге); информативно недостаточные глаголы в словосочетаниях с комплетивными отношениями чаще всего являются непереходными.

В справочных пособиях по практической стилистике современного русского языка КПЗГ традиционно рассматривают как результат семантического расщепления сказуемого — замены глагола-предиката на сочетание полузнаменательного глагола и однокоренного отглагольного существительного. Понятие «семантическое расщепление сказуемого», как нам кажется, не отражает особенностей функционирования КПЗГ в полной мере.

Несомненно, данное определение актуально при использовании КПЗГ в качестве предикативного центра предложения. Недостатком такой формулировки является то, что основной фокус в ней сосредоточен лишь на функциональной стороне, при этом за рамками остается факт интенсивного употребления (с давних времен, в том числе и в XVII–XVIII вв.) полужнаменательных глаголов, входящих в состав КПЗГ, в нефинитных формах, более того, вообще не в позиции сказуемого — предикативного центра предложения: «...*учиня то^м досмотръ* именья <sic!> книги ... *присла^м*» (1704) (ГАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 1, л. 21 об.); «за *верное доказательство и за о^мкрыtie нарушающих Ея Императорскаго величества узаконеніи и чинящихъ* порядочно в кяхтинскомъ фарпосте з саграничны^{ми} купцами и мунгалами торгующимъ в комерціи *подрывъ* преступникахъ <...> ис того това^ру в награждение половина выдана быть имеетъ» (1768) (ГАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 40, л. 78 об.); «сею подпискою обязуюсь в том, что за *учиненной* ныне мною <...> *побег* положенное по опре^{де}лению Удинской каменданской канцелярии наказание *учинено*» (1777) [ПЗДП: 165]; «на посланной к нему <...> о *учиненіи* по прозбе Черноруцкаго роду шуленги Алтая Булконова <...> *разбирательства* приказъ» (1782) [ПЗДП: 27] и т. д.

Также, на наш взгляд, аргументом, подкрепляющим предположение о содержательной недостаточности термина «семантическое расщепление сказуемого», является то, что в подобном определении не отражается и не учитывается возможность трансформации КПЗГ из конструкций активного залога в пассивный. Понятие расщепления сказуемого на соответствующие компоненты учитывает лишь использование этих словосочетаний в действительном залоге, хотя еще в деловом языке XVII–XVIII вв. они активно использовались и в страдательном залоге. Наряду с конструкциями активного залога — «о^н Бо^рко^н над аманатами ду^рна <...> не учинилъ» (1681) (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 22, л. 61); «приходили де <...> Василии Гаврилов да <...> Иванъ Захаровъ и чинили де с темъ Курбатовымъ и з бывшими в томъ зимовье салдатами *ссору и драку*» (1769) [ПЗДП: 129]; «ему Светлеговско^{му} <...> *учинить наказание* прогнаниемъ ипицрутень чрезъ тысячу человекъ *шесть разъ*» (1788) [ПЗДП: 15] — регулярно фиксируются пассивные обороты: «чтоб какою вашею оплошкою какова дурна не *учинилось*» (1681) (РГАДА, ф. 1105, оп. 1, д. 2, л. 61); «у ни^х де *учинила^с драка*» (1681) (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 22, л. 126); «По сему определению о³⁻наченому крестьянину Стефану Сто^нникову *наказание учинено* того ^жмая 15 дня» (1747) (ГАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 31, л. 27).

Пассивные конструкции содержат предикат, не предполагающий никакого расщепления сказуемого, поскольку он сам по себе является «продуктом» такого расщепления — вопрос: сказуемого или всё же глагола? Наблюдаемая неполнота устоявшегося определения косвенно подтверждается словами Ю. Д. Апресяна о том, что при изучении подобных конструкций «традиционно рассматривались главным образом такие перифразы, при которых сохраняется подлежащее исходного глагола» [Апресян 2004: 3].

Данные наблюдения наводят на мысль, что при рассмотрении отношений между глаголом и эквивалентной ему КПЗГ следует говорить о семантическом расщеплении не сказуемого и даже не глагола, а самой семантики действия глагола — такое определение отражает не только функциональные, но и лексико-грамматические характеристики глаголов. КПЗГ позволяют распределить между элементами грамматическую (в полусузнаменательном компоненте), точнее видо-временную или близкую к ней, характеристику, свойственную классу глаголов и выражающую абстрактное значение действия, и семантическую информацию (в имени существительном), называющую конкретное действие, обозначаемое соответствующим однословным коррелятом. Вместе с этим процессом, думается, происходит и актуализация значения процессуальности — конструкция дает возможность более явно обозначить протекание данного действия во времени. Разумеется, такая особенность выражения грамматической информации в глагольном компоненте актуальна только для самой глагольно-именной конструкции, поскольку при образовании существительного от полусузнаменательного глагола (*учинение разбирательства*) видо-временная характеристика утрачивается.

2. Анализ употребления частотных полусузнаменательных глаголов *чинить/учинить* в памятниках забайкальской деловой письменности конца XVII в.

Изучение данных языковых единиц на историческом материале является достаточно перспективной и актуальной задачей¹.

Большинством исследователей отмечается факт увеличения конструкций подобной структуры в XVII–XVIII вв. [Филиппова 1968: 7–8; Самойлова 1969: 13]; В. В. Виноградов пишет, что «эти обороты усиленно развивались с половины XVIII в.», а уже в XIX в. активно использовались в различных стилях литературного языка [Виноградов 1982: 450]. Е. Н. Лагузова отмечает, что в XVIII в. происходит изменение семантической структуры глагольных компонентов, которое она определяет как «грамматизацию», и на рубеже XVIII–XIX вв. на базе глагольных и именных лексем складываются продуктивные модели конструкций современного русского языка [Лагузова 2003: 5, 13].

¹ Подобные словосочетания в контексте исторического развития русского языка рассматривались в работах Л. Я. Костючук на материале грамот XI–XIV вв. [Костючук 1963; 1964], в текстах XVII–XVIII вв. подобные конструкции рассмотрены Н. Г. Самойловой [Самойлова 1967; 1969], Н. И. Тарабасовой [Тарабасова 1964], В. М. Филипповой [Филиппова 1968]. М. М. Копыленко, затрагивал проблему глагольно-именных оборотов в контексте «выявления исконно славянских сочетаний лексем» — одной из актуальных задач диахронической фразеологии [Копыленко, Попова 1972: 86].

Однако необходимо признать, что такие словосочетания было бы ошибочно относить к числу новообразований языковой системы рассматриваемого периода. Структурно подобные и схожие по функционально-семантическим особенностям глагольно-именные сочетания были известны древнерусскому языку с давних времен (ср.: *веселье играти, (сѣ)творити безмолвие, творити добродееание, дати руку* и т. д.).

Наиболее продуктивными и употребительными в языке деловой письменности XVIII в. являются конструкции с полужнаменательными глаголами *чинить* и *учинить*. Н. Г. Самойлова пишет, что эти глаголы, генетически общеславянские, были наиболее употребительными в древнерусском языке, причем изначально они сочетались с существительными, называющими конкретные предметы, а в XVII в., как отмечает исследователь, происходит «отход от первоначального значения конкретного действия» в сторону использования с абстрактными существительными, которое «становится более обычным» [Самойлова 1967: 58]; словосочетания с глаголом *чинить* и *учинить*, по утверждению автора, принадлежат к «официально-книжному стилю речи» [Там же: 62]. В. М. Филиппова утверждает, что в последние десятилетия XVII в. и в начале XVIII в. возможности данного активного глагола в сочетании с именами существительными с непредметным значением были неограниченными, «по частотности он занимал первое место и употреблялся в разных речевых сферах» [Филиппова 1968: 50]. Н. И. Тарабасова относит их к числу широко распространенных трафаретных языковых единиц и полагает, что такие сочетания «были необходимыми элементами языка автора (писца)» [Тарабасова 1964: 171].

В памятниках забайкальской деловой письменности конца XVII в. глаголы *чинить* и *учинить*, действительно, являются широко используемыми в роли полужнаменательных компонентов глагольно-именных конструкций. По мнению В. М. Филипповой, в XVIII в. активность сочетаемостных возможностей этих глаголов постепенно снижалась, однако исследование текстов региональной деловой письменности XVIII в. показывает, что на протяжении столетия в деловом регистре они продолжают активно употребляться.

Сочетаемостные возможности глаголов *чинить/учинить*, являвшихся наиболее распространенным строительным материалом для интересующих нас конструкций, в памятниках забайкальской деловой письменности, как и следует полагать, были достаточно широкими по сравнению с остальными словами. В «Словаре русского языка XVIII века» А. П. Майорова у глагола «чинить» выделяется три значения: «1. Совершать, делать, осуществлять. <...> чтоб исполнение чинили непременно <...> 2. Причинять. А обывателям по дороге живущим обидь и налогъ не чинить <...> 3. Оказывать. Оные казаки чинили ему всякое послушание...» [Майоров: Словарь 2011: 517].

В исследованных памятниках забайкальской деловой письменности конца XVII в. нами обнаружены сочетания глаголов *чинить* и *учинить* со следующими существительными:

1. Хитрость (5)²:

- (1) *или в чемъ какую хитрость в гдрве ка³не учините...* (1681) (РГА-ДА, ф. 1105, оп. 1, д. 2, л. 57);
- (2) *и над гдрвою ка³ною въ ясаино^м зборе никако' хи^трости и порухи не учинити* (1679) (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 13, л. 29).

2. Поруха (5):

- (3) *«и ко^нным п^гши^м всяки^х чино^в служилых от вои^нски^х люде' какие порухи не учинилось»* (1679) (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 13, л. 88);
- (4) *«а буди вн Матфиј за нашею порукою <...> какую хит^рость и поруху учини^т...»* (1679) (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 13, л. 29).

Слово *поруха* является многозначным, очевидно, в данных контекстах могут реализовываться несколько значений, таких как 'убыток', 'помеха', 'беда, неприятность', и наиболее общее — 'вред, повреждение, порча' [Словарь XI–XVII, Вып. 17: 139]; проблематичным остается вопрос, коррелирует ли данное словосочетание с глаголом *порушати* в значении 'разрушить; поломать, повредить что-либо' [Там же: 143]. На наш взгляд, такое соответствие не может быть установлено.

3. Насильство (4):

- (5) *«он Федка Катаев е' Феклице говорит всякие непристо'ные слова и хоче^т де чини^т блу^дное наси^лство»* (1681) (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 22, л. 111);
- (6) *«да і все^м и^м аманато^м угрожае^т и хоче^т на^д ним' чини^т тако^ж блу^дное наси^лство»* (1681) (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 22, л. 94)

4. Дурно (3):

- (7) *«что^б прише^д какие воровские неясашные люди какова ду^рна на^д ва-ми служилые люди не учинили»* (1690–1691) (РГАДА, ф. 1105, оп. 1, д. 9, л. 11);
- (8) *«чтоб какою вашею оплошкою какова дурна не учинилось і служи-лы^х люде' ото всякого дурна унимать...»* (1681) (РГАДА, ф. 1105, оп. 1, д. 2, л. 61).

Слово *дурно* имеет значение 'что-либо дурное, плохое; вред, зло' [Словарь XVIII, Вып. 7: 32–33], также 'все дурное, плохое', 'злое дело', 'зло, вред, неприятность' [Словарь XI–XVII, Вып. 4: 377]. Глагольного коррелята данной конструкции словари не фиксируют.

5. Наказание (2):

- (9) *и ему Микишке за ту прописку наказа^нья учини^т и дг^ла ве^ршить бе^з ука^зу* (1680) (РГАДА, ф. 1105, оп. 1, д. 2, л. 22);

² Далее количество обнаруженных контекстов будет указываться в скобках после обозначения существительного, зависимого от полузнаменательного глагола.

- (10) *за вашу оплошку и нераденье учинят ва^м жестокое наказание* (1681) (РГАДА, ф. 1105, оп. 1, д. 2, л. 57).

6. Обида (2):

- (11) *ясаины^м инозе^мца^м тѣсноты і оби^д не чинить* (1689) (ГАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 1, л. 20 об.);
 (12) *а к ясаинымъ людемъ де^ржа^м бы тебѣ ласка' и привѣтъ а жесточичи налогу и оби^м никаких не чини^м* (1690–1691) (РГАДА, ф. 1105, оп. 1, д. 9, л. 40).

7. Бесчинство (1):

- (13) *і ево Якушка бѣ^м и всяко^ю неподо^бною мате^рною бра^ню <sic!> бра^{ни}^м³ і всякое бѣ^чи^нство чини^м* (1681) (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 22, л. 121).

Значение слова — ‘нарушение установленного порядка; непристойные поступки, действия’ [Словарь XVIII, Вып. 2: 18]; ‘бесчинство’ [Словарь XI–XVII, Вып. 1: 181]; глагольный коррелят: *бесчинствовати* — ‘проявлять непочтительность, неуважение к кому-л., чему-л.; бесчестить’ [Словарь XI–XVII, Вып. 1: 181], *безчинствовать* — ‘творить бесчинства’ [Словарь XVIII, Вып. 2: 18].

8. Блуд (1):

- (14) *виноват Феклицу де Василеву дочку ... о пол ударил и на лавку валил для блудного дела а блуда де с нею не учинил* (1681) (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 22, л. 113).

9. Драка (1):

- (15) *и у ни^х де учинили^с драка* (1681) (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 22, л. 126).

10. Жесточь (1):

«*жесточичи* <...> *не чини^м*» (см. пример (12)).

Слово *жесточь* определяется как ‘жестокость, суровость’ [Словарь XI–XVII, Вып. 5: 98–99]; ‘жестокое обращение, поступок, слова’ [Словарь XVIII, Вып. 7: 120]. Глагольным коррелятом выступает глагол *жесточичи* в значении ‘подвергать жестокости, притеснять’ [Словарь XI–XVII, Вып. 5: 98]; однако в [Словарь XVIII, Вып. 7: 120] у глагола *жесточить* зафиксировано значение ‘делать жестоким, ожесточать’, что с малой долей вероятности может признаваться соответствующим значением глагола.

11. Казнь (1):

- (16) *і тѣмъ при^ста^вника^м учинена будетъ смртная казнь* (1681) (ГАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 1, л. 20 об.).

³ См. ниже о плеонастических выражениях.

12. Налог (1):

налогу <...> не чини^м (см. пример (12)).

В данном контексте достаточно сложно определить точное значение существительного *налог* и, соответственно, его глагольного коррелята. С одной стороны, вполне возможно, что слово имеет лексическое значение ‘добавочный, сверх обычного сбор; обложение, побор; налог’ [Словарь XI–XVII, Вып. 10: 137], ‘оброк, подать, сборы, выплачиваемые подданными, населением’ [Словарь XVIII, Вып. 13: 232]. Следовательно, конструкция соответствует глаголу *наложить* в значении ‘установить, определить, назначить (побор), обложить (какой-либо повинностью), обременить налогом’ [Словарь XI–XVII, Вып. 10: 139]; *наложить* — ‘назначить, установить (цену, повинность, денежный сбор и т. п.)’ [Словарь XVIII, Вып. 13: 234]. С другой стороны, слово *налог* может быть истолковано как ‘угнетение, притеснение’ [Там же: 232], ‘утеснение, обременение, неудобство; тяжкое, трудное положение, состояние’ или ‘угнетение, притеснение, обида’ (в словаре данные значения разведены) [Словарь XI–XVII, Вып. 10: 137–138]. В этом случае коррелятом является глагол *наложить* в значении ‘подвергнуть чему-либо тягостному’ [Там же: 138–139]. При этом следует уточнить, что глагол *наложить* в последнем значении обнаруживает схожесть с рассматриваемыми нами полузнаменательными глаголами: «*наложу <...> страхъ бжии и муки вѣчныя*», «*наложили <...> неблагословение*» [Там же: 138], т. е. семантическая информация содержится в зависимом от него существительном. Более точное указание на полузнаменательный характер данного значения глагола находим в [Словарь XVIII]: ‘в соч. с некоторыми сущ. означает: подвергнуть чему-л. (в соответствии со значением сущ.)’, например, «*наложить муки, страх, тягость*» [Там же, 13: 233]. В таком случае не совсем ясно, какое же именно действие понимается под «тягостным» или чему именно подвергаются ясачные люди, скорее всего, следует полагать, что глагол *наложить* как коррелят рассматриваемого словосочетания *учинить налог*, обозначающего притеснения ясачных людей, имеет смысловое содержание ‘подвергать притеснениям’.

Такая непрозрачность и неочевидность лексического значения существительного, зависимого от полузнаменательного глагола, зачастую может создавать серьезные проблемы для исследователя, занимающегося изучением КПЗГ в диахроническом аспекте. Мы склонны полагать, что в вышеуказанном контексте с большей вероятностью речь идет всё же о притеснениях ясачных людей (несмотря на несколько неясные формулировки, зафиксированные в словарях), нежели об их денежном обложении, хотя думается, что оба понятия не являются взаимоисключающими и *налогообложение* вполне может охватываться понятием *притеснение*.

13. Оборона (1):

- (17) *і о^м не^о Івашко і а^х аманато^б велѣ^л сто^лнику і воево^ое Федо^{пу} Деме^нтьевичю Вое^окову учини^м оборо^{ну}* (1681) (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 22, л. 94).

14. Оклад (1):

- (18) *а буде о" Савка похочетъ служить в Даурах ... великого гдря жалованья **оклад** ему **учинит*** (1679) (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 13, л. 77).

Существительное *оклад*, очевидно, имеет значение ‘установленный размер жалования, выплачиваемого служащему в деньгах или натурой’ [Словарь XVIII, Вып. 16: 228]; ‘установленный (в качестве максимального, желательного) размер денежного жалования, земельных (поместных) пожалований, натуральных выдач’ [Словарь XI–XVII, Вып. 12: 322], которое коррелирует со значением глагола *окласть (окладывать)* — ‘назначить, установить жалованье, плату кому-л.’ [Словарь XVIII, Вып. 16: 229]; *окладывати* — ‘назначать размеры оклада (служилым людям)’ [Словарь XI–XVII, Вып. 12: 325].

15. Протрава (1):

- (19) *«Сын ево Павло⁶ Василе’ **протраву** по всяких гдревы^х дела^х **чини**»* (1679) (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 13, л. 52).

В словаре определяется как синоним слова *потрава* — ‘потрава, порча, истребление’ [Словарь XI–XVII, Вып. 18: 17], данное значение существительного соответствует значению глагола *потравити* — ‘испортить, истребить, уничтожить’ [Там же: 17]. Кажется, что из перечисленных вариантов толкования больше подходит ‘порча’ и, соответственно, ‘портить’, хотя данные слова всё же больше сочетаются с конкретными существительными: *«товаръ потравить»*, *«хлѣбу и стѣну потрава»* [Там же]. Можно также предположить, что в забайкальском узусе это слово могло приобретать несколько иные оттенки значения вроде ‘вредительство’, однако с учетом того, что второе значение глагола *потравити* — ‘опустошить, разорить’, становится ясно, что существительное в данном контексте имеет значение ‘разорение’ (ср. *учинить протраву казне* — *разорить казну*), которое не фиксируется в «Словаре русского языка XI–XVII веков». Думается, что верность предположения о наделении данного слова в узусе забайкальской деловой письменности (а может, делового языка вообще) «новым» значением маловероятна и требует подтверждения посредством дополнительных исследований в области лексического своеобразия местного узуса. В «Словаре русского языка XVIII века» А. П. Майорова, описывающем лексику Забайкалья, дано толкование слова мужского рода «протрав» — «потрава», при этом последнему не дано определения [Майоров: Словарь 2011: 96]. Очевидно, в забайкальском регионе данное слово могло функционировать и иметь парадигму склонения существительного мужского рода.

16. Убийство (1):

- (20) *и гдрь ... веле^т того и³ме^нника смертью⁴ верши^т для того докместь о" Бо^рко" над аманатами ду^рна и **уби’ства не учинил*** (1681) (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 22, л. 61).

⁴ Неразборчиво.

Выявленные конструкции с определенной долей условности можно разделить на устойчивые, свойственные региональному деловому узусу XVIII в., в том или ином виде представленные в текстах документов в последующие годы, и свободные — словосочетания, которые в дальнейшем не имели широкого распространения в деловой письменности. К числу первых из представленного списка можно отнести обороты с большим количеством контекстов: *чинить хитрость, поруху, дурно, наказание, обиду*. Очевидно, в эту категорию также входят сочетания с существительными *досмотр, драка и убийство*. Особое внимание следует обратить на конструкцию *учинить казнь*. Данные из московских сказок 1704 г. [Сказки] подтверждают её идиоматический характер, поскольку в резолютивной части документов используется клишированная конструкция «а буде(т) я... в сказке сказал что ложно (и) великий государь указал бы **казнить** меня (смертью) / **учинить** мне (смертную) **казнь**».

Следует отметить и тот факт, что не все перечисленные выше конструкции преобразуются в однословный глагол: для словосочетания *учинить дурно* в словарях вообще не зафиксировано возможного варианта глагола (*дурнет*, очевидно, не является таковым, а глагола *дурнить* нет, однако гипотетически он, по всей видимости, мог бы соотноситься с конструкцией); в других случаях мы сталкиваемся с проблемой соответствия сочетаний отдельным значениям глаголов, зафиксированных в словарях (см. выше *поруха, протрава*); в силу отсутствия изданных томов словарей, содержащих слова на букву «Х», под вопросом остается глагольное соответствие продуктивного и устойчивого словосочетания *учинить хитрость*; вероятно, стоит провести аналогию с современным словом *хитрить*, хотя можно с уверенностью предположить, что данный глагол был образован от качественного прилагательного ещё в древнерусскую эпоху.

Как одну из проблем исследования данных конструкций в ретроспективном направлении можно обозначить и возникающие затруднения с определением точного лексического значения существительного, что вызывает трудности с установлением соответствующего глагола или его конкретного значения (оттенка значения).

3. Об использовании менее частотных полузнаменательных глаголов

Устойчивые словосочетания с глаголами *творить/сотворить* (далее — *(со)творить*) были распространены ещё в древнеславянских книжных текстах [Копыленко, Попова 1972: 90–105]. Это дает основание полагать, что фиксируемые в деловой письменности XVII в. конструкции с этим глаголом пришли именно из книжного регистра.

Полузнаменательный глагол *(со)творить* менее распространен в деловом языке конца XVII в. и, что важно, не выявлен в документах XVIII в.:

1. (со)творить грех (6):

- (21) *і о^н де Лука тово члѣва хто **твори^л** блу^оно' **грѣ^х** виде^л ли или нѣтъ про то о^н Бориско сказа^л не вѣдает* (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 22, л. 105);
- (22) *ј в то де время идучи виде^л в черемошнике **твори^м** де на^м теленко^м блу^оно' **грѣх** невѣдомо како' члѣвкъ* (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 22, л. 105);

2. сотворить насильство (1):

- (23) *в ночи в омона^мцкоі избе **сотворилъ** онъ Софро^н **насильство** над ни^м омонатом* (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 22, л. 116);

3. сотворить блудное дело (1):

- (24) *...что я **со^мворил** с ни^м **блудное дело*** (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 22, л. 118).

Необходимо отметить, что приведенные конструкции были найдены в рамках одного «Дела о злоупотреблениях» 1681 г., что может вызвать вопрос о характере узuality/окказиональности такого словоупотребления. Более того, глагол (со)творить в качестве опорного слова в составе конструкций рассматриваемой структуры в деловых документах, как видно, используется в ограниченном круге контекстов, что, по всей видимости, является не частным случаем отказа писца от вышеуказанного глагола, а отражением общей тенденции к неиспользованию его в деловом языке — это подтверждается и тем, что в исследованных нами региональных документах XVIII в. данные глаголы не обнаружены. В опубликованных памятниках деловой письменности Забайкалья XVIII в. имеется только один пример с использованием этого глагола: «*тѣх кои с противнымъ мудрование^е і которые хотя і по невѣжеству но ^мупорства **то** (кр^стъ на себѣ изображаютъ двѣмя пер'сты а не трепер'стнымъ сложеніемъ. — Е. Б.) **творятъ** вбои^х писа^м в раско^л невзирая ни на чтѣ...*» [Меженина 2015: 16]. Думается, что глагол *творить* в сочетании с указательным местоимением *то*, замещающим описание принятой у старообрядцев традиции двуперстного сложения пальцев при начертании креста, использован писцом в соответствии с лексическим составом устойчивого оборота (со)творить крестное знамение. В книге «Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века» [ПЗДП] данного глагола нет.

Перечисленные конструкции обнаруживают тесную связь с близкими по семантическим особенностям словосочетаниями, центром которых выступает глагол (у)чинить. Из контекстов видно, что в языковом сознании писца происходит своего рода контаминация генетически книжного глагола (со)творить с типичным для приказного языка словом (у)чинить⁵ в соче-

⁵ См. *насильство* (5), (6); *блуд* (14).

тании с абстрактными существительными *блуд*⁶ / *блудное дело*⁷, *насильство*⁸ и *грех*⁹, которые, кстати говоря, также смешиваются, в результате чего мы имеем сочетания *блудной грех* и *блудное насильство*, где интегральной семой выступает понятие *блуд*. Слово *блуд* и *блудное дело*, очевидно, следует рассматривать как равнозначные варианты, поскольку слово *дело* не вносит каких-либо дополнительных оттенков значения в словосочетание, а скорее служит для абстракции, обозначения опредмеченного действия, названного прилагательным. Думается, что исходным вариантом в ряду таких контаминированных сочетаний является книжный, используемый еще в древнюю эпоху оборот *(со)творити блуд* [Копыленко, Попова 1972: 101, 103]. Однако в деловом языке наблюдается своеобразная экспансия глагола *чинить* и на те словосочетания, тематика которых предполагала использование книжного глагола *(со)творить*.

Интересным, на наш взгляд, является наблюдение за однословными глагольными эквивалентами перечисленных выше конструкций в рамках этого дела 1681 года объемом 135 листов. Показательно то, что случаи употребления таких глагольных соответствий, т. е. замены конструкций на синонимический глагол, встречаются всего 2 раза:

- (25) *и онъ Софро^н спать во^{ле} ево и штаны жо^{пы} ст^енулъ и си^{ль}нича^м хотелъ* (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 22, л. 116);
 (26) *запл^ео^м масте^р Ива^нко Ши^ришъ ево Бо^гконона **наси^лнича^л** блу^дны^м **наси^лство^м** в са^дне^м про^хо^д* (РГАДА, ф. 1141, оп. 1, д. 22, л. 94).

Относительно функционально-стилистического своеобразия подобных конструкций, а также в контексте использования КПЗГ и слов-соответствий интересное, на наш взгляд, замечание находим в работе Н. Г. Самойловой, посвященной анализу данных частной переписки. Исследовательница предполагает, что в русском языке к XVII столетию складывается развитая система фразеологических единиц, «которая охватывает все стороны духовной жизни народа» и может быть разделена на три типа фразеологизмов: «народно-разговорного, официально-делового и книжного стилей речи»¹⁰ [Самойлова 1969: 13]. Думается, что книжные с функциональной точки зрения словосочетания с глаголом *(со)творить* использовались для называния преступлений сексуального характера, а именно мужеложства и изнасилования, причем как против женщины, так и против животного, которые,

⁶ См. (14).

⁷ См. (24).

⁸ См. *чинить насильство* (5), (6), *сотворить насильство* (23).

⁹ См. *(со)творить грех* (21), (22).

¹⁰ Несомненно, использование термина «стиль речи» для периода до XVII в. является исторически необоснованным, однако в данном высказывании, несмотря на терминологическую погрешность, более ценной представляется суть, касающаяся классификации фразеологизмов.

скорее всего, упоминались в книжных текстах религиозного содержания (безусловно, как грешные); соответственно, они извлекались из языкового сознания писца, знакомого с подобными текстами, в виде идиоматических оборотов и использовались в письмах и документах юридического характера. С другой стороны, мы видим плеонастический оборот *насилъничать* (блудным) *насилъством*: словосочетание *блудное насилъство* было устойчивым в древнерусском языке [Словарь XI–XVII, Вып. 10: 248]. На наш взгляд, такое семантически избыточное словоупотребление обнаруживает параллели с народно-разговорными и фольклорными сочетаниями (ср.: *долго сказка сказывается, да не скоро дело делается; трубы трубят в Новеграде* из «Слова о полку Игореве»; пример из делового документа *бранью бранит*. Примечательно то, что в [Словарь XVIII, Вып. 2: 126] этот оборот относится к числу обладающих свободной устойчивой сочетаемостью, что подтверждается многочисленными примерами использования его в текстах деловых документов).

Как видно, в языке деловых документов XVII в. в качестве полужнаменательных глаголов используются *чинить*, *учинить*, менее активно — *творить* и *сотворить*. Однако нами также зафиксированы, помимо вышеуказанных, непродуктивные для деловой письменности конструкции со связочными глаголами, схожими в плане смыслового содержания с рассматриваемыми конструкциями. Речь идет о следующих глаголах:

— становиться (1):

- (27) *и о^м тово де в ка^знь великихъ гдре' становя^мца недоборы*» (1687) (РГАДА, ф. 1105, оп. 1, д. 5, л. 28);

— стать (1):

- (28) *и они ба^ргузинские ту^нгусы о том скучаю^м, что и^м с одной сторо^ны великое утеснение стало* (1680) (РГАДА, ф. 1105, оп. 1, д. 2, л. 11 об.).

Основанием для того, чтобы установить соответствие между данными связочными и рассматриваемыми нами полужнаменательными глаголами, послужило наличие семантически сходных с ними глагольно-именных оборотов с глаголом (у)чинить(ся):

1) со словом *недобор*:

- (29) *в Куцицко^м остроге в гдрвом ясачно^м зборе на нышине' на 1678 и на про^шлыј годъ учини^лся недобо^р немалоі* (1678) (РГАДА, ф. 1142, оп. 1, д. 13, л. 62);
- (30) *и о^м то^о ваше^ю оплошко^ю ј нераденье^м учинитца в ясачно^м зборе недобо^р...* (1680) (РГАДА, ф. 1105, оп. 1, д. 2, л. 57);

2. со словом *теснота*:

- (31) *ясаишн^м инозе^мца^м тѣсноты і оби^д не чинить*» (1689) (ГАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 1, л. 20 об.).

Конструкции с существительным *утеснение* в текстах конца XVII в. не фиксируются, но имеется близкий по лексическому составу контекст. На данном этапе нашего исследования первое словоупотребление конструкции с существительным *утеснение* датируется 1716 годом:

- (32) *о^м чего **чинить** помянуто^{му} Селенгинскому Троицко^{му} мнстря обиду и напрасное **утеснение*** (ГАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 1, л. 67 об.).

В приведенных примерах (29) и (30) актуализируется проблема связи переходного глагола *чинить* (*учинить*) и возвратного непереходного глагола *чиниться* (*учиниться*). Полузнаменательные глаголы в пассивном залоге функционально сближаются со связочными. Кажется, что связочные глаголы шире используются в бытийном значении — с целью обозначения факта существования того или иного предмета, признака или действия, в то время как полузнаменательные глаголы в действительном залоге способствуют выражению семантики действия, или процессуальности. Принципиальное различие между ними — в переходности/непереходности: полузнаменательные глаголы являются переходными (разумеется, в действительном залоге), а связочные глаголы — непереходные. В случае же использования глагола *учинить* в страдательном залоге (*недобор учинился*) он, соответственно, становится непереходным и начинает выполнять функцию связочного глагола, обозначая совершение какого-либо действия или ситуации (недобора) в прошлом как факт, случившийся до момента создания текста, номинируя имевшее место действие (или состояние), которое названо грамматическим субъектом.

Таким образом, в исследованных нами текстах конца XVII — начала XVIII в. в качестве полузнаменательных глаголов обнаружены только анализируемые выше *чинить*, *учинить*, *творить* и *сотворить*. Конструкции с глаголами *чинить* и *учинить* в двусоставных предложениях чаще всего используются в пассивном залоге (ср.: *приставникам учинена будет смертная казнь*; *у них учинилась драка*). Активный залог встречается в придаточных предложениях (ср.: *чтоб люди не учинили дурна*; *а буди он хитрость и поруху учинит*). Так же часто они используются в односоставных инфинитивных предложениях с модальным значением приказа — *ему наказание учинить*. Реже — в неопределенно-личных предложениях: *учинят вам жестокое наказание*; в безличных — *конным и пешим порухи не учинилось*; в роли инфинитива в составном глагольном сказуемом — *велел чинить оборону*.

Несмотря на немногочисленность глаголов, думается, данные документов конца XVII в. позволяют утверждать, что тенденция к аналитическому способу выражения смысла, свойственная деловой письменности, наметилась уже в это время. В XVIII в. она начинает расти и охватывает большее число глаголов и отглагольных существительных, сочетающихся с полузнаменательными глаголами. Вероятно, такое обилие данных словосочета-

ний в деловой письменности связано и с принципом стандартизации делового письма, который заключается в перенесении языковых шаблонов и трафаретов, устоявшихся способов выражения из одних текстов в другие. В этой связи представляется перспективным дальнейшее изучение конструкций с полужнаменательными глаголами на материале памятников деловой письменности XVIII в.

Литература и источники

- Апресян 1995 — Ю. Д. А п р е с я н. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995.
- Апресян 2004 — Ю. Д. А п р е с я н. О семантической непустоте и мотивированности глагольных лексических функций // Вопросы языкознания. 2004. № 4. С. 3–18.
- Виноградов 1982 — В. В. В и н о г р а д о в. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1982.
- Всеволодова, Кузьменкова 2003 — М. В. В с е в о л о д о в а, В. А. К у з ь м е н к о в а. Описательные предикаты как фрагмент русской синтаксической системы // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2003. № 5. С. 7–29.
- ГАРБ — Государственный архив Республики Бурятия: ф. 88, оп. 1 — Управление Верхнеудинской комендатуры; ф. 262, оп. 1 — Селенгинский Троицкий монастырь.
- Живов 1996 — В. М. Ж и в о в. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
- Золотова 1982 — Г. А. З о л о т о в а. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Копыленко, Попова 1972 — М. М. К о п ы л е н к о, З. Д. П о п о в а. Очерки по общей фразеологии: Учебное пособие по спецкурсу для филологов. Воронеж, 1972.
- Кортава 1999 — Т. В. К о р т а в а. Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка: Дис. ... док. филол. наук. М., 1999.
- Костючук 1963 — Л. Я. К о с т ь у ч у к. К вопросу об устойчивых словосочетаниях в языке деловой письменности XI–XIV вв. // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. 1963. Т. 248. С. 273–285.
- Костючук 1964 — Л. Я. К о с т ь у ч у к. Устойчивые словосочетания в древнерусском деловом языке (по грамотам XI–XIV вв.): (Структурно-грамматическая характеристика): Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Л., 1964.
- Лагузова 2003 — Е. Н. Л а г у з о в а. Описательный глагольно-именный оборот как единица номинации: Автореф. ... дис. док. Филол. Наук. М., 2003.
- Майоров 2006 — А. П. М а й о р о в. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М., 2006.
- Майоров: Словарь 2011 — А. П. М а й о р о в. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. М., 2011.
- Меженина 2015 — Т. Н. М е ж е н и н а. Деловая письменность Троицкого Селенгинского монастыря первой половины XVIII века. СПб., 2015.
- ПЗДП — Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века / Под ред. А. П. Майорова. Улан-Удэ, 2005.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов: ф. 1105, оп. 1 — Баргузинская приказная изба; ф. 1142, оп. 1 — Нерчинская приказная изба.

Русская грамматика 2005 — Русская грамматика: научные труды. Т. II. Синтаксис / Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан и др. М., 2005.

Самойлова 1967 — Н. Г. С а м о й л о в а. Устойчивые словосочетания с глаголом *чинить* (*учинить*) в древнерусском языке (на материале частной переписки XVII — начала XVIII вв.) // Ученые записки МОПИ им. Н. К. Крупской. 1967. 204. Вып. 14. С. 55–62.

Самойлова 1969 — Н. Г. С а м о й л о в а. Устойчивые словосочетания в частной переписке XVII — начала XVIII вв. (К вопросу о формировании устойчивых словосочетаний): Автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 1969.

Сказки — А. А. П р е о б р а ж е н с к и й, Е. И. З а о з е р с к а я. «Сказки» торговых людей о торгах и промыслах: 1704 г. М., 1984.

Словарь XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII веков. Вып. 1 (А—Б). М., 1975; Вып. 4 (Г—Д). М., 1977; Вып. 5 (Е — Зинутие). М., 1978; Вып. 10 (Н — Натися). М., 1983; Вып. 12 (О — Опарный). М., 1987; Вып. 17 (Помаранец — Потишати). М., 1991; Вып. 18 (Потка — Пренаальный). М., 1992.

Словарь XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 2 (Безпристрастный — Вейэр). Л., 1985; Вып. 7 (Древо — Залезь). СПб., 1992; Вып. 13 (Молдавский — Напрокудить). СПб., 2003; Вып. 16 (Обломить — Онца). СПб., 2006.

Тарабасова 1964 — Н. И. Т а р а б а с о в а. О некоторых особенностях языка деловой письменности // Источниковедение и история русского языка. М., 1964. С. 157–172.

Филиппова 1968 — В. М. Ф и л и п п о в а. Развитие глагольной фразеологии в русском литературном языке XVIII в. // Русская литературная речь в XVIII веке. Фразеологизмы. Неологизмы. Каламбуры. М., 1968. С. 3–160.

Резюме

В статье рассматриваются аналитические конструкции, состоящие из полузнаменательного глагола и абстрактного существительного, равнозначные глаголу в лексико-семантическом отношении, использующиеся в деловых документах конца XVII в. Затрагивается актуальный вопрос об интерпретации глагольно-именных конструкций подобной структуры в современной лингвистике, в том числе обсуждается полнота термина «семантическое расщепление сказуемого». Рассмотрены лексико-семантические и синтаксические особенности глаголов, употребляющихся в деловом языке в роли полузнаменательных, и существительных, сочетающихся с ними. Автор полагает, что тенденция к активному использованию данных конструкций в деловом языке, развивавшаяся на протяжении XVIII в., переломного для русского языка периода, наметилась еще в конце XVII столетия. В качестве иллюстративного материала привлекаются тексты памятников забайкальской деловой письменности конца XVII в.

Ключевые слова: деловой язык XVII в., глагольно-именная конструкция, полузнаменательный глагол, семантическое расщепление сказуемого, забайкальская деловая письменность, активный и пассивный залог

Получено 20.10.2017

EVGENIY E. BAZAROV

**ON VERB-NOUN CONSTRUCTIONS WITH A DELEXICALIZED VERB
IN TRANSBAIKAL BUSINESS DOCUMENTS OF THE LATE 17TH CENTURY**

The article deals with analytical constructions consisting of a delexicalized verb and an abstract noun, semantically equivalent to a verb, in business documents of the late 17th century. The currently much-discussed question of interpretation of such constructions is touched upon, in particular the completeness of the term "semantic cleavage of the predicate" is disputed. Lexico-semantic and syntactic features of verbs and nouns used in constructions of this type are considered. The author argues that a tendency to extensive use of similar structures in the business language, which developed during the 18th century (a turning period for the Russian language), had emerged already at the end of the 17th century. This point is illustrated by Transbaikalian business documents from that chronological period.

Keywords: business language of the 17th century, verbal-nominal construction, delexicalized verb, semantic cleavage of the predicate, Transbaikal business documents, transitive/intransitive verb, active and passive voice.

Received on 20.10.2017